

«В СЕМНАДЦАТЬ ФЕЕРИЧЕСКИХ ЛЕТ...»

О ТОМ, ЧТО ЛИТОВСКИЙ ШКОЛЬНИК сочинил пьесу и что его пьесу поставил театр, уже писали. Случай редкий. Но я еду к Роландасу Растаускасу не за сенсацией. В Вильнюсе мне не удастся увидеть этот спектакль «Воздушный змей гонок» (Государственный молодежный театр Литовской ССР на гастролях), но не огорчаюсь: может, и к лучшему. В спектакле — вдохновение многих, а каков автор сам по себе, без ореола? Случаен ли этот успех в его судьбе? И как он выносит испытание ранней славой? Канатоходец, балансирующий над пропастью? Не закружится ли голова?

Звоню в дверь, но не из дома, откуда-то из густоты сада выбегает юноша в джинсах, с книгой и с такой свежей, незащищенной улыбкой, что мои опасения как-то враз и весело исчезают. Пять дней в Паланге, пять дней с Роландасом и с людьми, которым он особенно дорог, и я убеждаюсь: «канатоходец» не сорвется. Его мир так плотно заселен чувствами, мыслями, знаниями, что «пропасти» нелегко поместиться, а «веревка»... Она натянута по самой земле. И хватит об этом.

«Вы нашли Гитиса?» — так он начинает главную тему наших будущих разговоров. Когда я звонила из Москвы, он советовал: «Обязательно отыщите Гитиса, он знает о пьесе больше, чем я. Это самый близкий мне человек. Да, да, учится в ГИТИСе и зовут Гитис. Странно?» Я пыталась разыскать, но... Роландас огорчен. Наша встреча теряет для него всякий интерес. Умолкает, и ясно, что надолго. «Роландас, у меня был всего один день, а вечером — концерт. Клайберн...» «Клайберн», — мягко поправляет он, а теплые глаза уже теплеют, загораются азартом: «Хотите, послушаем Мопарта? А орган любите? А наши литовские песни?» Когда бы я ни приходила, с Роландасом была музыка. Мама-врач встревает: «Это ж двойная нагрузка! Учат уроки, и — музыка, пишет, и — музыка!» «Жизнь коротка», — улыбается маме сын.

Люди, остановитесь! Люди, разве можно прийти, промелькнуть и не оставить следа? Люди, поднимите уголки губ! Не хочу быть незамеченным и серым. Почему я не могу смеяться в свои семнадцать феерических лет?

Это — Роландас? Нет, герой его пьесы Рокас. Но, может быть, голоса сливаются? Ведь герою, как и автору, — семнадцать. Не знаю, можно ли, сидя в зале, испытать большее потрясение, чем от этого трехдневного спектакля, когда автор совмещал в себе переводчика (на русском языке пьесы нет), всех актеров, театрального режиссера и еще Гитиса: «Гитис считает... Гитис сказал...» Он забывал о моем присутствии. И о своем тоже. В эти минуты полнее, чем в обыденности, он был самим собой. Ведь четверо его героев — живые «четвертинки» авторского «я». Ну, а пьеса... «О чем пьеса, Роландас?» Отвечает смущенно: «Наверное, тема поиска себя, истины. Если бы я писал сейчас, совсем отказался бы от сюжета, а сделал одни поэтические монологи».

Итак, пьеса-исповедь. Не буду излагать ее сюжет. Ценно другое: в ней раскрыт внутренний мир «...надежды», тот мир, который взрослые театры и вообще взрослые могут только изучать, угадывать, а возвратиться в него никак не могут. Нет, Роландас не сочинил пьесу, он ее пережил и нам с безоглядной искренностью доверил. Ведь только в исповеди можно услышать, что мальчики, упоенные своей молодостью, гордые юной правотой, наедине с собой сжимаются от боли:

Кто мы? Зачем мы? ...Мы не стояли на баррикадах. Мы не погибали в войну. Набаты вопроса разбивают череп: «А мы могли бы? Неужели же наша жизнь — вариация на тему «наслаждение»?

Дом так близко от моря, что слышен прибой, но не только поэтому дом похож на корабль. Комната Роландаса на «верхней палубе», за винтовой деревянной лестницей. Всем живописным местам Паланги он предпочитает свою комнату, где любимые книги на четырех доступных ему языках (среди русских изданий с удивлением встречаю почти все новинки, которые невозможно купить в Москве), где музыка и письменный стол, где два пера чайки и одно — утки.

Однажды Роландас: «Меня ругают: живешь у моря, а о море не пишешь. А я говорю: если в рассказах море не бросается в глаза, это еще не значит, что его нет».

Если жизнь человека, видимая глазами, благополучна, еще не значит, что и внутри штить-комфорт. Да разве совместимы: спокойствие и «семнадцать феерических лет»? Да разве он один на свете? И разве не должен как-то отплатить всем за то, что безоблачно счастлив? Может быть, зоркой ответственностью за жизнь вокруг? Непримиримостью к «мещанам, утопающим в аквариумах равнодушия»?

Миколас Слукис, один из ведущих писателей Литвы, близко знает Роландаса и его творчество. Он сказал при встрече: «Часто ниспровержение авторитетов становится для молодых поэтов. У Растаускаса — обостренное чутье жизни. И в пьесе, и в рассказах он всегда выдвигает положительную программу. Я давно заметил: мальчик тонко чувствует людей, молодых и старых».

В читальню-веранду, где мы беседуем со Слукисом, заходит Растаускас почитать газеты. И я вижу, как на равных говорят «мэтр» и начинающий. Им обоим интересно. На один из вопросов Слукиса Роландас ответил: «Не знаю, что лучше: молодость или старость. Меня сейчас волнуют конфликты, происходящие внутри самих молодых».

В ПАЛАНГЕ НЕ ВЫБАЕТ белых ночей, зато бывают белые вечера, длинные-длинные. В комнате не зажжена лампа, но светло. За окнами, соревнуясь с луной, гроздьями свечей горит глициния. Вдруг часы с кукушкой отсчитывают одиннадцать. Поздно! А завтра у него экзамен в школе. Впрочем, весь вечер беседа как раз о русской литературе. То неожиданная мысль о мироощущении Толстого, то наивный вопрос.

Мальчик? Писатель? «А мы с Гитисом Достоевского не читали, бережем». «Если поступлю в университет (на филологический, конечно), то в августе с Гитисом «Гамлета» будем ставить. Вот здесь». «Здесь» — это мы уже кружим по лестнице, и я ума не приложу, как она может стать сценой. А он: «Да, Гамлет... Он бесконечен, вне пространства и времени. Я написал на днях Гитису: надо быть безумцем, чтоб решиться писать после Шекспира и Пушкина. Знаете?.. Мне стыдно за мою пьесу! Там много примитив-

но-эстрадного». — «Счастливо, Роландас! Завтра экзамен».

Да, Роландас получил пятерку, но вышел с последнего в своей жизни школьного экзамена бледный, растерянный. «Нет, ерунда. Просто не выспался. Ночью была гроза». И, извинившись, уходит с одноклассниками. Мы остаемся с Ионасом Бриндзой, учителем-другом Растаускаса, в пустой учительской, разматываем рулоны стенгазет литературного кружка. Вот фотография Роландаса — «победитель литературного конкурса республики», вот он и тот самый Гитис Падегима, познакомились мальчики на конкурсе, в старинном Тракайском замке. Вот статья Роландаса, рассказы. Он начал печататься уже с шестого класса. В подтверждение Ионас приносит кипу журналов: «Он беспощаден к рукописям, пишет быстро, переделывает долго. Может, оттого и спорт забросил? А побеждал же в республиканских соревнованиях по спринту».

И вдруг во мне поднимается неприязнь к этим фотографиям, к этим публикациям. Пусть и талантливо его творчество, но не отнята ли у Роландаса невозвратная легкость детства? Ионас чутко улавливает настроение и, кажется, солидарен. Тихо улыбаясь, начинает вспоминать утешительные в эти минуты мелочи школьной жизни. «Роландас был у нас эталоном воспитанности, доброжелательства. Он умеет чутко, ненавязчиво заботиться. Он член пресс-центра, политинформатор и... конференсье. Сочинил и поставил несколько ярких поэтических композиций на школьной сцене. В комсомол вступил только после того, как уже многое для комсомольской организации сделал».

«Ваше пожелание тем, кто остается в школе?» — вопрос из анкеты. Роландас написал: «Желаю вам быть честными, культурными, нежными и — натуральными».

В дюнах и на городских площадях мы — бегущие люди, бегущие в поисках ясности и чистоты отношений с незнакомыми и близкими, первобытного смысла слов, оживляющей росы, запаха лугов, правды и любви, не рафинированной и математической, а нежной и самоотверженной...

«Выше всего в человеке ценю самоотверженность. Театр, который мы с Гитисом когда-нибудь создадим, будет одной семьей. Никто не думает о себе, а только о творчестве. Я готов ради театра вообще отказаться от личной жизни. Смеетесь? Да, если б я сумел остаться таким же ненормальным оптимистом после провала двух-трех пьес, тогда можно поверить. А пока мне слишком везет, и это плохо? Приезжайте лет через десять, а?»

В актовом зале школы оркестр играет туш. Душно от роз. «Роландас Растаускас!» Он поднимается на сцену. Директор вручает ему аттестат зрелости с золотой медалью и долго трясет руку. А зал истоиво аплодирует.

Что может быть прекраснее: твоё дыхание — дыхание всех, твоё счастье — радость всех. Люди, почувствуйте свою душу! Пожалуйста, оглянитесь друг на друга! Любите того, кто рядом!

Это не просто творческое кредо. Заповедь себе. Заповедь перед лицом жизни. Чарующая звонкость слов... Как-то отзовется она через годы? Молодость несравненно прекрасна, но и в ней изъян — проходит. И быстро. Но ты не изменишь своей заповеди, Роландас? Встретимся лет через десять...

Л. ГРАФОВА.

(Наш спец. корр.).

Литовская ССР.

Фото автора.